Российский музыкант

№ 2 (1209)
март
2002
Выходит
с 1938 года

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО

МИРОВАЯ ПРЕМЬЕРА

Настоящей сенсацией XVII Международного фестиваля современного искусства в Брянске стала мировая премьера Второй камерной симфонии Николая Рославца, которую блестяще провел ансамбль «Студия новой музыки» Московской консерватории под управлением Игоря Дронова.

С 19 по 23 марта 2002 г. в Брянске прошел XVII Фестиваль имени Николая Рославца и Наума Габо.

Организаторами фестиваля являются композитор Марк Белодубровский и директор фонда культуры РАГД Любовь Пчелкина. Фестиваль, основанный в 1986 г., и названный в честь двух выдающихся уроженцев Брянской области — композитора Н.Рославца и авангардного художника-архитектора Н.Габо — стал одним из главных оплотов возрождения музыкального наследия «забытого поколения» незаслуженно затененных русских авангардистов начала века — Александра Мосолова, Артура Лурье, Ефима Голышева, Сергея Протопопова и других. За эти годы на фестивале было исполнено множество сочинений Рославца, как брянскими музыкантами, так и известными исполнителями из других городов. Среди солистов и ансамблей, принимавших участие в фестивале за эти годы, можно назвать Ансамбль ударных Марка Пекарского, Московский ансамбль современной музыки, московского пианиста и композитора Ивана Соколова, петербургского пианиста и композитора Сергея Осколкова, тенора из Петербурга Андрея Славного, московской певицы Ольги Седельниковой и многих других. Среди гостей из других стран можно назвать немецкого композитора Пауля Хайнца Диттриха и американского композитора Джозефа Персона.

На XVII фестивале, который по своему масштабу и размаху превосходил все предыдущие, выступало большое количество именитых артистов. Фестиваль открылся концертом ансамбля «Opus Posth», руководимым Татьяной Гринденко, с яркой, запоминающейся программой из сочинений А.Пярта, Я.Ксенакиса, В.Мартынова, П.Карманова, П.Дрешера и Г.Пелециса, а заодно и с самим композитором Мартыновым, выступившим с послесловием.

Преподаватель Московской консерватории, Е.Либерова и пианист Сергей Кондаков исполнили в Художественном музее разнообразную программу из романсов Мечислава Вайнберга (Первая тетрадь «Еврейских песен»), Сергея Прокофьева (Пять стихотворений Анны Ахматовой), Николая Мясковского («Мадригал») и Михаила Коллонтая («Из поэзии Древнего Египта»). Пианистка И.Северина исполнила несколько коротких, но очень значительных сочинений композиторов той эпохи — «Три композиции» Н.Рославца, «Aimons nous les uns les autres» («Полюбим мы друг друга») Н.Обухова, а также Четыре прелюдии Юлиана Скрябина, гениального сына А.Скрябина, написавшего эту сложнейшую музыку в 10 лет и вскоре трагически утонувшего в Днепре. В дуэте со скрипачом М.Белодубровским был исполнен «Романс» выдающегося музыкального теоретика Арсения Авраамова, одно из немногих сохранившихся сочинений этого автора. Струнный квартет во главе со скрипачкой В.Фиш исполнил раннее сочинение «Langsamer Satz» («Медленная часть») Антона Веберна, написанное в романтической манере.

В Брянском драматическом театре Константин Райкин из

московского театра «Сатирикон» устроил моноспектакль, сыграв роль главного и единственного героя пьесы Патрика Зюскинда «Контрабас». В рамках фестиваля был показан фильм «Точки перелома» о художниках начала века, а в Художественном музее прошла выставка «Внуки авангарда», представляющая выставку картин художников — внуков знаменитых живописцев. Среди них больше всего запомнились картины внучатой племянницы В.Кандинского Елены Прейс.

Теме нынешнего фестиваля — «Современное искусство и современные технологии» — была посвящена конференция, проведенная в Брянском музыкальном училище. В ней приняли участие руководитель Термен-центра Московской консерватории Андрей Смирнов, австрийский композитор Элизабет Шимана, стажирующаяся в Москве и читающая лекции по электронной музыке в Московской консерватории, архитектор Вячеслав Колейчук, его дочь театральный художник Анна Колейчук, композиторы Станислав Крейчи и Антон Ровнер. Особенно интересным был доклад Андрея Смирнова «Искусство шума — от итальянских футуристов до цифровых кликов», в котором он представил широкий спектр авангардных течений начала века, так или иначе связанных с новыми технологическими идеями, предвосхитившими электронную музыку. Тема фестиваля определила исполнение двух сочинений использующих электронику или компьютерную технику — «Стремление к точности» Антона Ровнера для скрипки и магнитофонной ленты, а также «Nach dem Klang ist Vor dem Klang» («После звука — это перед звуком») Игоря Кефалиди, сочинение для камерного состава и электроники, прозвучавшего в исполнении ансамбля «Студия новой музыки».

Центр современной музыки Московской консерватории, возглавляемый Владимиром Тарнопольским, и примыкающий к нему ансамбль «Студия новой музыки» одной из своих важнейших задач считают пропаганду музыки незаслуженно забытых мэтров русского авангарда начала века. На счету ансамбля — множество исполнений, в том числе и премьер, сочинений Рославца, Мосолова, Лурье, Голышева и других композиторов. Поэтому приглашение на фестиваль имени Н.Рославца и Н.Габо именно этого коллектива оказалось весьма плодотворным и для ансамбля, и для фестиваля.

Вторая камерная симфония Рославца была написана автором в 1934 году, и хотя она числилась в списках сочинений автора, долгое время ее считали утерянной. Доступна была только Первая камерная симфония (1926 г.), оставшаяся, к сожалению, неоконченной и известная нам благодаря различным реконструкциям. Вторую камерную симфонию совершенно неожиданным образом обнаружил в архивах Музея музыкальной культуры имени Глинки в Москве устроитель фестиваля Марк Белодубровский. В конце 1980-х годов он скрупулезно и неутомимо изучал сосредоточенное в архивах наследие Рославца, ставя своей задачей сделать его достоянием широкой публики. Вдохновенный пропагандист музыкального наследия Рославца и других авангардистов начала века, Белодубровский вместе со своим струнным квартетом и несколькими другими музыкантами в 1989 г. совершил два десанта в Москву — исполнив музыку Рославца в Доме композиторов и в Музее Глинки на фестивале «Альтернатива». Благодаря его усилиям, исполнения редких сочинений таких авторов как Рославец стало в Брянске ежегодным явлением. Но только в этом году обстоятельства позволили Белодубровскому получить партитуру Второй симфонии для концертного исполнения.

Длящаяся около 50 минут четырехчастная симфония для 18 исполнителей наделена сложной формой и развитой драматургией. Она относится к позднему периоду творчества композитора, когда под нажимом политических обстоятельств композитор фактически отказался от своего радикально-новаторского музыкального стиля и вернулся к более традиционному позднеромантическому языку.

Изысканная гармония напоминает чем-то раннего Шенберга, а также Скрябина среднего периода и даже Мясковского. Сохранились одобрительные слова последнего в адрес этого сочинения. Не случайно сотрудники архива Музея им. Глинки некоторое время даже приписывали авторство Камерной симфонии именно Мясковскому. Очевидна также и некоторая перекличка с Первой камерной симфонией Шенберга. Трубные призывы, звучащие на протяжении всей симфонии, устанавливают прямые ассоциации со Скрябиным времен «Поэмы Экстаза» и «Прометея».

Ярким контрастом Камерной симфонии прозвучали в том же концерте два сочинения современников Рославца — виртуозно-театральная «История солдата» И.Стравинского и манифестационно-футуристический «Завод» А.Мосолова (версия для ансамбля Л.Половинкина).

Прошедший фестиваль стал замечательным праздником искусств. И несомненно, главным событием фестиваля, событием, которое наверняка войдет в учебники по истории музыки стала вновь обретенная через 70 лет Вторая симфония классика отечественного авангарда Николая Рославца.

Антон Ровнер

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Заслуженному деятелю искусств РФ,
доктору искусствоведения,
проф. Овчинникову М.А.

Уважаемый Михаил Алексеевич!

История Московской консерватории знает немало примеров смен Ректоров (Директоров), происходивших помимо их воли и желания. Ни один из них при этом не был отягощен обвинениями в недостойных нарушениях материальных и моральных интересов.

Разумеется, Вы, Михаил Алексеевич, выпускник Московской консерватории, вознесенный на высоту того же официального положения, не можете этого не знать. Так же, как не можете не знать о том, что ни один из Ректоров не позволял себе использовать свой уход для внесения смуты в жизнь консерватории и не притязал на свое восстановление в прежней должности.

К сожалению, ни примеры прошлого, ни решения Конференции 7 марта 2001 г., красноречиво высказавшейся за смену стиля руководства и концепции внутренней жизни коллектива консерватории, заметно улучшившейся за последний год, не побудили Вас не подвергать воспитавшую Вас Alma Mater мелким, но раздражающим нападкам, наносящим – и Вы не можете этого не знать – урон общественной репутации нашего прославленного учебного заведения.

Наконец, 18 марта Вы подали в суд на коллектив ВУЗа, не желающего видеть в Вашем лице своего лидера.

Все это, чем дальше, тем больше, отдаляет Вас от Консерватории, о принадлежности к которой Вы неоднократно заявляли.

Ученый совет
Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского
19.03.2002

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Ученого Совета
Московской государственной консерватории
имени П.И. Чайковского

Мы, профессора и преподаватели консерватории, обращаемся ко всем, кому небезразлична судьба крупнейшего музыкального центра России.

Сегодня, как и полтора года назад, на страницах отдельных газет появляются искаженные факты жизни консерватории. Но сегодня страсти бушуют не в самой консерватории, где общественное мнение вполне определилось, а вокруг нее.

С тех пор, как год назад консерваторию возглавил новый ректор Александр Соколов, изменилась сама атмосфера нашего дома. В конце февраля Ученый Совет единогласно выразил свою поддержку ректору и одобрил его работу.

Однако бывший ректор М. Овчинников продолжает бороться за свое кресло. Пользуясь решением Пресненского суда Москвы – решением, на которое подана кассационная жалоба, и вскоре предстоит новое слушание – М. Овчинников вновь начал атаку на консерваторию. Напомним, что приказом министра культуры М. Швыдкого он был уволен вновь сразу после его восстановления судом.

После пресс-конференции М. Швыдкого в газетах появился ряд статей, объективно оценивающих ситуацию. Пресса поддержала позицию министра и коллектива.

Однако, в «Московском комсомольце» от 11.03.2002 появился пасквиль, оскорбляющий честь и достоинство как самой консерватории, так и тех, кто ей предан и отдает всю жизнь. «Московский комсомолец» уже напечатал ответ М. Швыдкого. Здесь наше мнение полностью совпадает с министром. Со своей стороны, мы считаем необходимым также подтвердить, что факты, приведенные в статье фальсифицированы.

Сейчас консерватория, к счастью, изменилась. Прилюдно сообщать о ней небылицы – для уважающего себя издания просто неприлично. Оскорбителен и сам тон по отношению к А. Соколову. Он не «числится ректором», как написано в газете, а избран коллективом при подавляющем большинстве поданных за него голосов.

Жизнь в консерватории постепенно, но определенно налаживается. За последний год появилось ощущение стабильности, открытости всех действий руководства. И учитывая печальный опыт прошедших лет, преодолевая негативные явления, мы не можем оставить без внимания даже самые ничтожные попытки исказить то, что сейчас происходит. Исходя из этого, Ученый Совет практически единогласно (при одном воздержавшемся) проголосовал на своем последнем заседании против восстановления М.Овчинникова в должности ректора.

Мы настроены оптимистично и хотим только одного: не мешайте спокойно работать. Восстановление Храма музыки началось, и мы сделаем все, чтобы этот процесс был необратим.

ВЫПИСКА
из протокола заседания Ученого Совета
Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского
№ 02/02 от 26 февраля 2002 года

РЕШЕНИЕ:

1. Выразить несогласие с решением межмуниципального суда о восстановлении в должности М.А.Овчинникова.

Голосование: «ЗА» – большинство, воздержался проф. Леденев Р.С.

2. Одобрить работу ректора А.С.Соколова за прошедший период.

Голосование: «ЗА» – единогласно.

3. Ученый Совет подтверждает свое одобрение результата Конференции по выборам ректора от 7 марта 2001 года.

Голосование: «ЗА» – единогласно

4. Ученый Совет выражает вотум недоверия действующему главному бухгалтеру Пудовкину Ю.И.

Голосование: «ЗА» – единогласно.

КОНКУРС

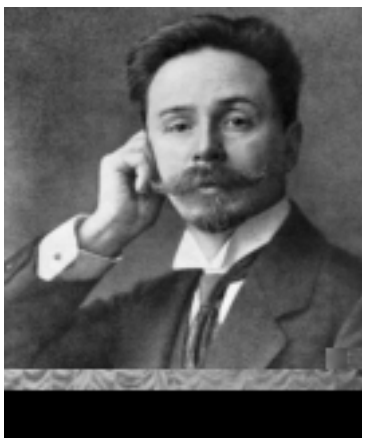
КЛАССИК НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Первый Московский открытый конкурс молодых композиторов и музыковедов имени А.Н.Скрябина торжественно стартовал в Государственном мемориальном музее, по праву носящем имя великого русского композитора. Это значительнейшее событие в художественной жизни столицы было приурочено к 130-летию со дня рождения уникального музыканта, подарившего миру свое вдохновенное искусство в самых разных областях многогранного творчества.

Скрябин, живший на рубеже XIX и XX веков (1872–1915) опередил свое время как никто другой. Новации создателя «Поэмы экстаза» и «Прометея» в области мелодики, гармонии, структурного и оркестрового мышления до сих пор воспринимаются дерзновеннейшими открытиями. Он не создал ни одной оперы, но мыслил вокально-симфонически. Завет Бетховена, утопически мечтавшего о победе Добра и Красоты, утверждавшего культ Света в финале Девятой симфонии, был по-своему подхвачен Скрябиным в грандиозном вокально-хоровом сочинении — «Гимне музыке» шестичастной Первой симфонии. В «Божественной поэме» и «Поэме экстаза», ставшей последним чисто оркестровым опусом, творец, казалось, исчерпал все возможные резервы «космического» мышления в музыке... И как божественное откровение — явление миру «Поэмы огня», первого цветомузыкального произведения для солирующего фортепиано, хора, органа, разработанной по эскизам автора специальной световой партитуры и грандиозного состава оркестра.

Скрябин стал «возмутителем спокойствия» в среде своих консерваторских учителей — В.И. Сафонова, С.И. Танеева, А.С. Аренского, А.К. Глазунова. Высоко ценившие пианистическое мастерство воспитанника Московской консерватории, они были единодушны в негативной оценке его композиторского дарования. Старший современник Р.М. Глиэра, Н.Я. Мясковского, С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича, И.Ф. Стравинского Скрябин стал для них и многих других творцов XX века правовестником эксклюзивной фресковой звукописи космических масштабов. Творец поздних одночастных фортепианных сонат и «Прометея» пытался поэтически и философски обосновать свое творческое кредо, что в немалой степени способствовало восприятию фигуры автора в тоге «авангардиста» и «декадента».

Современник Скрябина — выдающийся музыкальный критик Вячеслав Гаврилович Каратыгин (1875 – 1925), организатор вечеров современной музыки и пропагандист творчества Скрябина проницательно заметил: «Только “декаденты” своего времени становятся впоследствии классиками на все времен (Бетховен, Шуман, Вагнер, Мусоргский, Скрябин)...»



С июля 1922 г. старинный особняк, в котором композитор провел три последних года своей жизни (с апреля 1912 по апрель 1915) и где им были созданы Восьмая, Девятая, Десятая сонаты, Поэмы ор. 69, 71, 72; два танца «Гирлянды», «Темное пламя» ор. 73 и пять прелюдий ор. 74, стал Государственным мемориальным музеем А.Н. Скрябина. Дом чудом сохранился в своем первозданном виде: не подвергся новомодным перестройкам или осовремененным модернизациям; не стал частным владением коммерческой фирмы или офисом по продаже недвижимости...

В 1992 году (год 120-летия со дня рождения композитора) друзья музыки Скрябина могли увидеть раритет — цветовой аппарат, изготовленный по эскизам Александра Николаевича для сопровождения симфонической поэмы «Прометей». Аппарат представляет собой деревянный круг с двенадцатью лампочками: семь расположены в последовательности чередования цветов спектра (красная, оранжевая, желтая, зеленая, голубая, синяя, фиолетовая), а пять соединяют крайние спектральные цвета, образуя переход от фиолетового в красный, розовый, розовато-красный...

К славному юбилею возникла идея поддержки одаренных детей — исполнителей скрябинской музыки. Идею поддержал международный концерн «Экология человека». Был объявлен конкурс, в котором могли принимать участие воспитанники детских и средних специальных музыкальных школ Москвы в возрасте от 11 до 16 лет. В 1992 г. первым лауреатом стал стипендиат имени Скрябина — Ю. Богаднов, выпускник А. Артоболевской и А. Мидонц (ЦМШ), вначале — лауреат конкурса имени И.С. Баха в Лейпциге, а спустя год — премьер на конкурсе имени Ф. Шуберта в Дортмунде.

Скрябинская стипендиатка 1993 года, тогда ученица средней специальной музыкальной школы имени Гнесиных Я. Зайцева после присуждения ей стипендии впервые выступила с оркестром. А в 1994 году самый юный из скрябинских стипендиатов двенадцатилетний П. Домбровский, ученик ДМШ №36 имени В.Стасова, параллельно занимался и в классе композиции. Тогда же состоялся его сольный концерт в Музее. По условиям конкурса стипендия присуждалась сроком на один год. Отрадно, что своей последующей концертной деятельностью юные музыканты оправдали высокое звание лауреата.

На церемонии открытия 21 января 2002 г. директор Музея, пламенный энтузиаст Дома Скрябина Тамара Викторовна Рыбакова обратилась со словами глубокой благодарности в адрес учредителей и организаторов Первого московского открытого конкурса молодых композиторов и музыковедов — Министерства культуры России, Комитета по культуре Москвы, Управления культуры Центрального Административного округа столицы, Союзов композиторов России и Москвы, Государственной консерватории им. П.И. Чайковского, Общества друзей Музея. Г-жа Рыбакова отметила, что без содействия Российского и Московского фондов культуры и информационной поддержки радиостанций «Орфей», «На семи холмах», Радио России, телеканала «Культура», ТВЦ и газеты «Музыкальное обозрение» вряд ли могла осуществиться идея соревнования.

Т.В.Рыбакова назвала председателя жюри конкурса молодых композиторов. Им стал А.Эшпай, народный артист СССР, лауреат Государственной премии. Жюри конкурса молодых музыковедов возглавил В.Задерацкий, доктор искусствоведения, профессор Московской консерватории, секретарь СК России, лауреат конкурса имени Д.Д. Шостаковича.

В концерте в честь открытия конкурса впервые прозвучали сочинения членов жюри конкурса — «Молитва» Т.Б. Камышевой, Вторая фортепианная соната В.Б. Довганя, вокальные баллады Л.Б. Римского. Солистка Большого театра М. Маруна проникновенно исполнила вокальную партию в «Молитве», аспирант Академии хорового искусства Г. Васильев горячо откликнулся на сочинения, посвященные Скрябину автором этих строк.

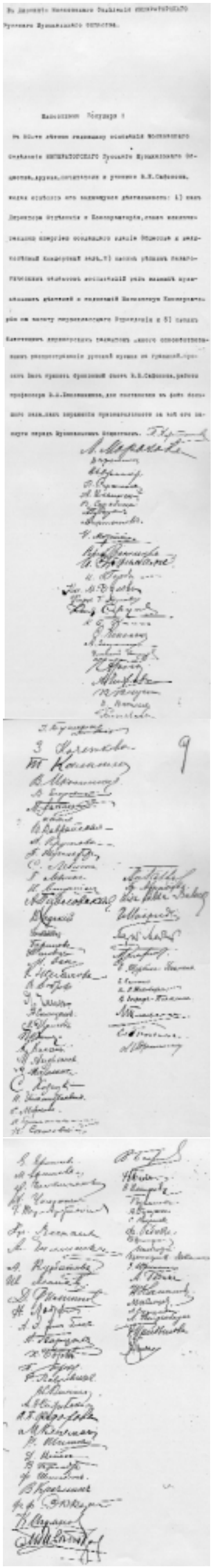
Подлинной музыкальной сенсацией стало восстановление по незавершенной авторской рукописи Фантазии ля-минор для двух фортепиано и ее звуковое воспроизведение (лауреат стипендии имени А.Н. Скрябина М. Зайцева и А. Зайцева).

Скрупулезное научное изучение неопубликованных творений Скрябина, подготовка их к печати, первое исполнение в Москве, стремление познакомить слушателей с сочинениями выдающихся современников композитора, также никогда ранее не звучавших в России — таков девиз, неоднократно проведенный в жизнь научными сотрудниками музея.

В доме Скрябина ощутимо нечто мистическое. В нем царит дух Александра Николаевича Скрябина. Он словно аккумулировал его притяжение, его неуёмную, всепоглощающую страсть к музыке, поэзии, живописи, к синтезу слова, звука, цвета.

Л.Б.Римский,
член СК России

К 150-ЛЕТИЮ В.И.САФОНОВА



Фотография В. И. Сафонова
с дарственной надписью Е. Ф. Гнесиной.
Дар Мемориального Музея-квартиры Е. Ф. Гнесиной
Музею им. Н. Г. Рубинштейна

ИЗ ПЕРЕПИСКИ О ПРАЗДНОВАНИИ 50-ЛЕТИЯ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

(письмо от 6 ноября 1910 г.)
Фонд 661, опись 1, единица хранения 125, листы 8-й и 9-й

**В Дирекцию
Московскаго Отделения
ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Музыкальнаго
Общества.**

Милостивые государи!

В 50-ти летнюю годовщину основания Московскаго Отделения ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Музыкальнаго Общества, друзья, почитатели и ученики В.И.Сафонова, желая отметить его выдающуюся деятельность: 1) как Директора Отделения и Консерватории, своею исключительною энергиею создавшаго здание Общества и великолепный Концертный зал, 2) своим редким педагогическим талантом воспитавший ряд видных музыкальных деятелей и поднявший Московскую Консерваторию на высоту первокласснаго Учреждения и 3) своим блестящим дирижерским талантом, много способствовавшим распространению русской музыки за границей, просят Вас принять бронзовый бюст В.И.Сафонова, работы профессора В.А.Беклемишева, для постановки в фойэ большого зала, как выражение признательности за все его заслуги перед Музыкальным Обществом.

(117 подписей)

***Публикация
директора Музея им. Н.Г.Рубинштейна,
кандидата искусствоведения
Е.Л.Гуревич***

В. И. Сафонов с женой и детьми

ВЗГЛЯД

БАЛ И ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Сумрак, который окутывает некоторые события прошлого, иногда не хочет рассеиваться. Несомненно, что в нём события эти выглядят не совсем так, как они действительно происходили. Но так же несомненно, что одинокая дата, остающаяся после того, как кто-нибудь снимает с события его таинственное покрывало, способна рассказать нам гораздо меньше, чем мы ждём от неё.

О человеке по фамилии Перголези известно не так много — гораздо меньше, чем о неаполитанском композиторе Перголези. Этот последний — бессловесный двойник первого — весьма знаменит. Он — создатель оперы-buffa. Это его «Служанка-госпожа» облетела весь музыкальный мир, будучи всего лишь интермедией. Это он к двадцати шести годам был автором десяти опер — не только эфирно-весёлой «Служанки», но и весьма весомых опер-seria — среди которых возвышается «Олимпиада». Это он написал ту самую «Salve Regina», которую столь трогательно пела Консуэлло под руководством маститого Никколо Порпоры. Это его имя возникает в наших сердцах всякий раз, когда кто-нибудь произносит магическое словосочетание «Stabat mater», так же как имя Генделя при слове «оратория» или имя Бетховена при слове «симфония».

Наверное, справедливо, что в нашем сознании уживаются в основном такие «эпохальные достижения» (намеренно громкие слова!). Да, правильно: Перголези к двадцати шести годам написал десять опер. Но... двадцать шесть лет – много это или мало? Конечно, мало – ответ совершенно очевиден. А если композитор прожил всего только двадцать шесть лет? Тогда – это целая Вселенная... И вот здесь мы осторожно вступаем на шаткий, качающийся мост, соединяющий Перголези-композитора и его же — человека.

Ему было двадцать пять, когда провалилась в Риме его «Олимпиада» и когда он познакомился «средь шумного бала» с одной девушкой. Конечно, её звали Мария. На балу, среди танца, Перголези, наверное, рассказал ей о том, что несмотря на знатность своего рода он беден, отчего и скрывает свою истинную фамилию – Драги – под всем известным псевдонимом...

Но бал кончился. И к Марии — а она носила очень уважаемую фамилию Спинелли — пришли три её брата и сказали, что пронзят шпагами маэстро музыки Перголези, если он и Мария не прекратят своих отношений немедленно. И вскоре Перголези в очередной раз руководил музыкой на богослужении. Месса была посвящена пострижению в монахини молодой девушки, которую звали Мария Спинелли. Она избрала своим женихом Пастыря душ — Христа. Это по её просьбе дирижёром на мессе был её земной жених. Говорят, что он был внешне очень спокоен. Поверим этому.

Монастырские стены, построенные из холодного серого камня, недолго отражали звук шагов Марии. Вскоре она заболела чахоткой и умерла. Перед смертью она не раз слышала под окнами монастыря голос своего возлюбленного. Её последним желанием было, чтобы именно он управлял певцами и оркестром во время мессы за упокой её души.

Моцарт верил, сочиняя свой знаменитый Requiem, что пишет его для себя. И Перголези на едином выдохе пишет Requiem по своей любви, по своей Марии и по себе самому. Говорят, что, когда началась заупокойная месса, прихожане услышали отзвуки бала, соединённые с фугой. Говорят также, что маэстро потерял сознание во время службы. И наконец, говорят, что, придя в себя, он сжёг партитуру своего Реквиема. Поверим этому.

С этого времени Перголези понял, что всё уже решено. Он обходил – или обегал? – художественные лавки и однажды нашёл в одной из них изображение Марии-Богородицы, очень похожее на ту Марию, которую он любил. И тогда же он получил заказ от одного из окрестных монастырей написать Stabat mater – взамен произведения Скарлатти на тот же текст. Перголези взялся за работу. Средневековая поэма о скорбящей матери, наверное, очень много говорила его сердцу. Что он думал, читая: «Дева, из дев пречистая, не будь ко мне столь жестока»? Или: «Когда тело моё умрёт, пусть душе моей даруют славу рая»? И мог ли он пройти мимо этого произведения, если три четверти его занимает обращение к Богородице?

Перголези спешил. За ним гналась лихорадка. Врачи настояли на том, чтобы он уехал лечиться на юг, в Поццуоли. И он уехал, но только затем, чтобы написать последние такты своей «Stabat mater», в которых невозможно не услышать страстное желание обогнать смерть. Ему это удалось. Был 1736 год.

Сумерки, окутывающие последний год жизни Перголези, распорядились так, что «Stabat mater» стала самым знаменитым произведением маэстро. Вслушаемся в него – и вспомним слова падре Мартини, учителя Моцарта, который обвинял «Stabat mater» в излишней «оперности». Прав ли он? Кажется, что не совсем. Не в «оперности», а в «бальности» – такое обвинение было бы более справедливым. Но «бал» в лебединой песне – разве это не последний привет Марии? И, одновременно, миру? Наверное, да. Поверим этому.

Дмитрий Ушаков, студент

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

12 января 2002 года ушел из жизни наш выдающийся соотечественник, композитор и органист, пианист и дирижер, Олег Григорьевич Янченко. Среди множества званий и регалий, а их было более, чем достаточно (народный артист РФ, солист МГАФ, лауреат Государственной премии, президент Ассоциации органистов России и множество др.), самым дорогим для Олега Григорьевича было звание профессора Московской консерватории. Он всегда с гордостью говорил о своей педагогической работе своим коллегам в России и на Западе, во время своих поездок и гастролей, вкладывая особый смысл в слово «учитель».

Еще со студенческих времен, восхищаясь своими великими педагогами Г. Нейгаузом (по фортепиано) и Ю. Шапориным (по композиции), для Олега Янченко сформировались приоритеты эстетических «ценностей», в которые он вкладывал все то, что позволяло ощутить атмосферу подлинного творчества на его уроках. Помню, как особенно в последнее время, ностальгически вспоминая 1950–60-е годы, он почти всегда с грустью, столь не свойственной ему, говорил об утрате «духа» общения между учителем и учеником, потере интереса наших органистов друг к другу.

Исключительная доброжелательность и демократичность стиля общения Олега Григорьевича с самыми разными людьми (от рабочего сцены до директора филармонии, с которыми он был равно толерантен) с первой минуты разрушала всякие «психологические» барьеры, обезоруживала и удивляла. Уважение к любой мысли или слову со стороны собеседника, каждой играемой ему ноте не просто приводило в восторг, окрыляло, но и заставляло более требовательно относиться к своим поступкам и раскрывать себя до конца. Самоотдача при работе с Олегом Григорьевичем была колоссальной, хотели мы того или нет. Он никогда ничего не требовал, но умел настроить и дать за один урок то, что можно было искать многими месяцами. Требовательность к постановке задач, отношение к предмету (внутренняя сосредоточенность и трудолюбие), а не формальная работа над техническими или стилистическими вопросами в исполнительстве — вот, что имело для профессора Янченко педагогический интерес. Он во всем и всегда умел добиваться поставленной цели и считал, чтобы добиться «аутентичного» исполнения (т. е. «правдивого» в художественном отношении) необходимо опираться не на существующие стереотипы (моду на тот или иной стиль игры или музыки), а на собственное представление, навыки и слуховые ощущения, глубоко оправданные замыслом исполняемого сочинения.Свобода и самостоятельность, с которыми мы, его ученики занимались в органном классе, выбирая, например сочинения и работая над ними, со стороны могли показаться безграничными. Но это было далеко не так. Полет фантазии жестко ограничивался многими факторами, как, например «самой музыкой», из которой Янченко всегда «настойчиво советовал» исходить. Он всегда возмущался, когда кто-либо пренебрегал авторскими ремарками и собственно текстом произведения, где «все написано». Нужно было просто уметь прочитать то, что указал автор — предельно просто и безапелляционно!

Консерваторский органный класс О. Г. Янченко был немногочислен. Помимо дипломников, успевших окончить полный курс у Олега Григорьевича в Московской консерватории, это — Наталья Сингилейцева, которая сейчас живет и работает в Швеции, Александр Удальцов, Олеся Ростовская, Марина Воинова) в основном у него учились композиторы. В последние годы к композиторам примкнула молодое поколение способных пианистов и теоретиков.

Только теперь я до конца смогла оценить подарок судьбы, которым мне стало обучение в классе Олега Григорьевича, что лично для меня предопределило дальнейший творческий путь и все, чем теперь удалось овладеть в искусстве игры и сочинения для этого удивительного инструмента.

К «ученикам Янченко» также можно отнести и тех музыкантов, которые обучались в течение преподавательской деятельности Олега Григорьевича в Казанской консерватории, а

также многочисленные слушатели мастер классов по импровизации в странах бывшего СССР и за рубежом. Все, кто приходил за советом и помощью и кому этот удивительный музыкант раскрывал секреты своего мастерства, всегда получали необычайный заряд творческой энергии, которая вдохновенно исходила от его улыбки, темпераментной и талантливой игры, которую он демонстрировал в классе для учеников, что-либо «показывая» и импровизируя, и на своих концертах. В своей преподавательской работе Олег Янченко всегда проявлял себя, прежде всего, как композитор-органист и умел найти такие грани в сочинениях других композиторов, которые навсегда сокрыты для исполнителя-органиста, островки индивидуального, фантазии и импровизационности. Именно это придавало каждой встречи с ним незабываемость и уникальность, яркий и долгий след в памяти.Поразительно, с каким пиететом и уважением Олег Григорьевич относился к музыке своих коллег и учеников, всегда с интересом и участием ждал наших новых сочинений и был всегда готов помочь советом. Он никогда не умел кривить душой, особенно в профессиональных вопросах, и говорил об услышанном прямо и честно, при этом никогда не обижая собеседника. И, быть может потому, Олегу Григорьевичу не со всеми удавалось построить «дипломатических» отношений, ибо он всегда поступал так, как считал нужным. В каждом своем поступке, идее, мысли и даже обыденном деле (например, Олег Григорьевич великолепно выкладывал камины и был мастером всяческих строительных работ, саморучно построив дом на дачном участке в Лесном Городке, мастеря безделушки по дому) Янченко оставался целенаправленной, творческой личностью, порой бескомпромиссной. Организовав ли камерный оркестр Минской филармонии, принимая руководство московским «Мадригалом», придумав содружество органистов (самое немыслимое словосочетание для менталитета отечественных представителей этой музыкальной профессии) — Ассоциацию органистов России, либо сочиняя свои оперы и симфонии, во всем Олег Янченко открывал новое, необычайное, потрясающее. И потому мы, испытавшие счастье быть рядом, заряжались его энергетикой, жаждой творчества, смелостью жить, никогда ни на что не оглядываясь, ни в чем не «наступая на горло собственной песни», ибо в ней одной и есть единственное предназначение, божественная обязанность истинного художника.

Этому Олег Григорьевич «учил» нас своим примером, трудной, но восхитительной судьбой личности, по масштабу сравнимой лишь с персонажами эпохи Возрождения, образы которой для музыки и духовной жизни Янченко имели особый символизм. Симфония №4 «Мемориал Микеланджело», Партита для органа «Dom zu spayer» на григорианский Гимн Солнцу, наряду с «русской» тематикой в Сонате для органа «Русская Причеть» и Симфонии №2 «Андрей Рублев», соединили в себе глубину эстетического переживания, великолепное чувство формы, стремление к вечному идеалу и гармонии. Будь то музыка, любимые, близкие люди или Родина, которую Олег Григорьевич никогда не покидал надолго, даже когда был смертельно болен и надежда на выздоровление связывалась с солнечной Италией, где он проводил все больше времени в последние годы. Мы всегда жили этой надеждой на его возвращение и просто не вериться, что теперь этой разлуке больше не суждено прерваться...

Почему-то не могу простить себе слов, которые врезались в память в день нашей последней встречи, когда мне пришлось вернуться в класс, где у Олега Григорьевича еще была встреча. Помню, как, поднимаясь по лестнице, вдруг вырвалось из знакомой и пронзительной песни: «возвращаться плохая примета, я тебя никогда не увижу..». Печальная ассоциация тогда была воспринята мною с иронией и без колебания: этого просто не могло, не должно было случиться, как немыслимо потерять само Солнце — как тогда жить?

Много раз с тех пор я задаю себе этот вопрос и смотрю на Солнце, которое мощно и повесеннему ярко переливается в прозрачном мартовском воздухе, еще очень холодном и согреваемом лишь отдаленными звуками утренних улиц и вспоминается цветаевское:

Два солнца светит, о, Господи, помоги.
Одно на небе, другое — в моей груди...
И то погаснет раньше, что горячей.

Марина Воинова, аспирантка

На снимке: проф. О.Г.Янченко с учениками.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ТРИБУНА

ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ

Вам, наверное, знакома такая ситуация. Рабочий день уже позади. Хочется скрасить осенний вечер, чтобы он не казался серым и скучным, а хоть немного походил на праздник.

Таким ощущением праздника были одарены слушатели на концерте Владимира Спивакова, который состоялся 4 октября прошлого года. Тем, кому довелось на нем побывать, можно позавидовать — они смогли насладиться чудесным «Реквиемом» Керубини и концертным исполнением оперы Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери».

На таком концерте слушатель может, что называется, совместить приятное с полезным. Музыка эта звучит в концертном зале редко, тем более в хорошей интерпретации. Если исполнение «Реквиема» преследовало большей частью просветительские цели, то концертный вариант оперы «Моцарт и Сальери» захватил слушателя, не оставив равнодушным никого. Опера шла буквально на одном дыхании. Слаженное пение солистов и гармоничный оркестр — еще не гарантия успеха, но в этот вечер был несомненный успех. Актерское мастерство солистов заставило забыть об условностях сцены (собственно «сценой» для актеров-певцов служила лишь ее правая часть). Особо отметим и еще одного «героя» концерта — концертмейстера оркестра. Он прекрасно справился с ролью бродячего музыканта. Имитируя фальшивую игру музыканта-любителя, органично вписался и в актерский ансамбль. «Спектакль» удался, и в этом огромная заслуга дирижера. В. Спиваков тонко почувствовал стиль оперы и превосходно, со вкусом раскрыл драматургические секреты произведения. В этот вечер (в отличие от многих концертов прошедшего фестиваля В. Спивакова) пришедших только «на имя» было гораздо меньше, чем пришедших «во имя» музыки.

Татьяна Сущеня,
студентка III курса

Московская государственная консерватория имени П.И.Чайковского объявляет конкурс на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава по кафедрам:

Специального фортепиано — профессора (2), доцента
Концетмейстерского мастерства — профессора (2), доцента
Скрипки — профессора (2)
Альта и арфы — профессора (2)
Виолончели и контрабаса — профессора
Духовых и ударных инструментов — профессора
Сольного пения — профессора
Оперной подготовки — профессора, зав. кафедрой
Теории музыки — профессора, доцента (2), ст. преподавателя
Истории русской музыки — доцента
Истории зарубежной музыки — профессора (3), зав.кафедрой
Композиции — профессора (3)
Инструментовки — профессора, зав.кафедрой, ст. преподавателя

При перепечатке ссылка обязательна

Адрес: 103871 Москва ул. Б.Никитская, 13. E-mail: rio@mosconsv.ru
Интернет: http://www.mosconsv.ru/rus/newspaper

Главный редактор проф. Т.А.Курышева
Редактор С.В.Наборщикова
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 28.03.2002
Тираж 500 экз.